

Дед Чингачкук / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 22 января, 2025

Дед Чингачкук / рассказ ДЕД ЧИНГАЧКУК

Я приехал, очень устал с дороги, надеялся отдохнуть, а мать говорит:

– Иди, навести деда Чингачгука!

– Так я ещё даже с отцом не поздоровался, не поговорил...

– Отец жив-здоров. Бегает, словно жеребёнок, ухаживает за садом.

Я так надеялся до вечера поспать в густой тени ивняка. Ведь приезжаю в год один-два раза, да и путь немалый прошёл, не успел отдохнуть, а мать просит навестить деда.

– Ну... схожу... Попозже...

– Не нукай, сынок! Ведь дед очень стар. Ему за девяносто перевалило, и теперь он словно дитя. Всё просил отца: приедет сын, хочу увидеть его. На днях отец навестил его, так он опять тебя спрашивал. Да отец тоже хорош, не может язык держать за зубами. Как узнал о твоём приезде, так всем раструбил: наш сын приезжает, наш сын получил отпуск, наш сын уезжает за границу, перед отъездом решил нас навестить... Э-ей, вообще, знаю я его, такой у него характер, вот и деду сказал, что ты сегодня приедешь, ведь отец говорит даже когда его не спрашивают. И чего хвастается, вот ведь характер, ну и характер!

Всё это мать высказала буквально за минуту. Я знаю, постой я ещё немного, и этому не будет конца. Поэтому я резко встал и сказал:

– Ладно, я пошёл!

Дед Чингачгук. Чингачгук. В прошлом году он был очень бодр. Я радовался за старика, наполнявшего дом свои благородством, про него можно было сказать, что он всё ещё способен пинком распылить холм и унять разбушевавшийся ветер. Однажды увидев, как он вытянул длинную руку и наполнил свою, подобную ковшу экскаватора, ладонь насом, я пошутил: «Дедушка, вы случайно не

из рода дивов-великанов?». А дед тоже шутник, рассмеялся в ответ: «Ха-ха, парень. Хорошо, что не спросил, не из рода ли я придурков?..»

Дед действительно был сильным, здоровым, можно сказать, мощным. Он запросто поднимал сразу два мешка жмыха. Чтоб не сглазить, ведь сглаз сильнее взора ястреба. А уши у него – словно тарелка на крыше, ладно, будто лопасти и слышат за тысячу метров. Челюсть длинная, лоб крутой, нос крючком. В отличие от некоторых сельчан, ещё не достигших шестидесяти лет и отрастивших бороды с претензией на старость, на пшеничного цвета лице деда даже в этом возрасте не увидишь ни волосинки, бреется каждый день. Глаза под длинными бровями выражают благосклонность. Если он что-либо одобряет, в углу толстых губ играет улыбка, глаза суживаются. В общем, у меня с этим подобным диву дедом сложились нормальные, добрые отношения. Потому что, мы понимаем друг друга.

В детстве я публиковал про него статьи в республиканских детских изданиях и нашей районной газете, характеризуя его как «дед-фронтовик». И за это однажды дед потрепал меня за ухо: «Не добавляй лишнего, не придумывай от себя, как я бил немцев!..»

Население кишлака считало, что дед злой и строгий. Мало кто осмеливался перейти ему дорогу.

Но нашёлся такой человек. Нашёлся. Это был сосед Мамат, попытался он противоречить деду, да и поплатился за это. Этот худосочный человек частенько избивал жену. Устроился куда-то прорабом, зазнался, стал зарабатывать деньги и подумал, что стал богачом. Как говорится, из грязи в князи. Дед дважды предупреждал его, он как бы внял его увещаниям. Но как-то раз, когда он опять, напившись, гонялся по двору за полураздетой женой с кулаками, дед не выдержал:

– Эй, остановись, ты что творишь, не стыдно?!

Лицо Мамата озлобилось:

– Вы не вмешивайтесь!!!

– Вот тебе, получай! – дед подобной булаве рукой ударил по плешивой голове Мамата. Мамат упал на колени, а потом вдруг

вскочил и стал убежать, словно телок, которому под хвост попала колючка и при этом кричал «Ой, умираю! Ой, умираю!». А дед, не обращая внимания на его крики, схватил воткнутый в сноп клевера серп и метнул ему вслед. Если летевший серп попал бы в Мамата, навряд ли он остался живым. Но он от страха метнулся влево и серп вонзился в ствол тутового дерева, за которым успел спрятаться Мамат. Всё это видели дети, один из них воскликнул: «Вот это да! Вот попал дед. Он Чингачгук. Чингачгук!». Так за ним закрепилось это прозвище. И стар, и млад стали называть его Чингачгук. Да, деда сравнивали с Чингачгуком – смелым героем-индейцем известного фильма о борьбе белых и краснокожих. И это было почти тридцать лет назад...

Полдень. Под невыносимо палящим июньским солнцем направляюсь к реке Хужаипок-ота. Там, на краю кишлака, у берега реки находится хибара деда. Вот уже более десяти лет как он переехал сюда после смерти жены, несмотря на увещевания детей. Ему хотелось одиночества.

Как рассказывал отец, ровесники не раз говорили деду: «Ну что ты живёшь, словно отшельник? Ходи на свадьбы, на другие торжества, у тебя есть дети, и вообще, ты один что ли, у кого умерла жена?..», – но он их не слушал. И только отцу, не помню в каком году, он раскрыл душу: «Рахматбой, пусть мужчина будет подобен орлу, подобен соколу, подобен ястребу, пусть даже подобен космосу, но его жена не должна покидать этот свет раньше, чем он. Пусть хоть кем будет мужчина, но его жена всегда будет горой. Ведь только гора выдержит и ястреба, и орла, и сокола, ты понимаешь меня, братец?». «Понимаю, отец, понимаю...». «Ну, если понимаешь, хорошо!..» Эти размышления деда, которые он не поверял никому. Нет человека, который понимал бы его с полуслова, знал его помыслы – дед одинок, вот и всё.

«Зачем он хотел меня видеть?..». Двор засеян клевером. Скошено совсем мало, но аромат свежескошенного клевера наполняет воздух. На самом деле такими деталями и отличается кишлак: с

раннего утра вы чувствуете запахи кипячёного молока, скошенного клевера, разнотравья, от пылающих жаром тандыров исходит аромат испечённого хлеба, а летними вечерами над тобой небо, усыпанное звёздами, которые вот-вот начнут сыпаться вниз, и в садах лёгкое дуновение ласкового ветерка волнует душу и сердце.

Дед сидит под большим тутовником. Одет очень аккуратно. На нём белоснежный как снег яктак, на голове тубетейка, обрамлённая белой ситцевой тканью. О-о-о, в этом году он, кажется, отрастил бороду, да-да отрастил, но какая эта борода, ровная, аккуратная. По сравнению с прошлым годом он, как мне показалось, несколько похудел, осунулся...

Я уже говорил, мы очень хорошо ладим с дедом. Костёр нашей беседы разгорелся. Мы говорили о самом разном, дед видимо тоже соскучился по собеседнику, начал рассказывать о своей молодости, вспомнил, как участвовал в купкари, борьбе кураш, рассказал про сложный и тяжёлый трудовой путь и о том, как относится к нынешнему времени, когда есть хлеб и всё, что нужно человеку, об отношении к главе государства Каримову, при этом лицо его выражало чувство глубокой благодарности.

Зачем он позвал меня? Для того, чтобы всё это сказать?

Мы помолчали. Дед взглянул на меня, его глаза под мохнатыми глазами блестели. Меня охватило странное чувство, сердце заволновалось. Я заметил, его подобные лопате ладони на коленях, тряслись. И это у него, у такого деда?

– Ладно (он кашлянул) – ладно. Я знаю тебя, ты разумный парень. Я тебе скажу то, о чём не скажу никому в этом кишлаке. Ведь всегда больше тех, кто смеётся, чем понимает, ты согласен с этим? Сынок, уже натянуты узы, связующие меня с этой жизнью, не сегодня-завтра они прервутся.

– Не говорите так, дед...

– Послушай меня. Ты читаешь книги, пишешь книги... Оказывается, что некое хорошее чувство, когда-то овладевшее душой человека, никогда не покидает его! И живёт в нём, и всегда кажется, что вот-вот взорвётся. Но самое тяжелое – жить, чувствуя это и подавляя это чувство. Что ты на это скажешь?

– О чём вы говорите, дед?!

– А ты сам догадайся, о чём я говорю, догадайся. Прошло более семидесяти лет, но я не говорил об этом. Никому не говорил. Боль моя, её отзвуки были во мне, в глубине души. Это всегда в моей памяти. Каждый день думаю. Вот уже семьдесят лет.

– Что в памяти, дед?!

Дед замолчал. С его лица медленно стекали капельки пота. Он тяжело вздохнул:

– Уфф! Последние два месяца часто снится мне.

Дед приподнял выдававшийся вверх край курпачи и вытащил очень старый, неизвестно каких времен чемоданчик коричневого цвета. Открыл его. Дрожащими руками перевернув какие-то бумаги, вытащил старую фотографию и протянул мне. Фотография была пожелтевшей от времени, с поломанными краями. На ней я увидел изображение здорового, крепкого сложения молодого человека в военной форме, которая была ему к лицу, и согнувшей к его груди голову очень красивой юной девушки с глазами словно звёздочки и кудрявыми волосами, выбившимися из-под пилотки и частично закрывавшими её лицо. Я понял, что парень на фотографии – это молодой дед Амир и эта фотография – память о военных годах.

Я положил фотографию в чемодан. Дед продолжил:

– Я много рассказывал тебе. Когда мне исполнилось семнадцать лет, в сорок третьем году ушёл на фронт. Ты знаешь, сколько дорог я прошёл, в каких городах побывал. А сегодня скажу о том, о чём я тебе не рассказывал. Понимаешь, сынок, это я не могу унести с собой... Многое таит сердце человека. Пошкаста (так в Сурхандарье называют девушек и молодых женщин), которую ты видел на фотографии, из Белоруссии. Познакомился с ней во время освобождения Минска. Я был тяжело ранен. Она четыре месяца лечила меня в госпитале. А затем ещё два месяца была рядом до полного выздоровления, вообще ухаживала за мной. Отрывая от себя приносила мне гостинцы. И я полюбил её. Когда выписывался из госпиталя, она плакала. Плакала очень горько. С чувством горечи шла до вокзала. Перед посадкой на поезд крепко обняла меня: «Я не забуду тебя. И ты не забывай меня! Как

далеко ты живёшь!»». Мне тоже было очень горько. Разлука раздирала моё сердце: «Не забуду, никогда не забуду...» – говорил я... Её звали Марта. Марта... Всё случилось так, как говорила она. Я её не забыл, до сегодняшнего времени вспоминал каждый день, знаешь, сынок, каждый день! Всё получилось так, как говорила Марта – я прожил долгую жизнь, слава Всевышнему, сегодня мне более девяноста лет. Сбылось желание Марты – она жила во мне, в моей душе... Ты не думай сынок, что я стар и у меня помутился рассудок. Знаю, ты так и не подумаешь, ты понимаешь меня. Поэтому я бы желал, завтра, когда меня не станет, пусть мир узнает, что вместе с дедом Амиром хоронят очень хорошего человека, красивую женщину по имени Марта, понимаешь, сынок... Многое таит сердце человека... Многое.

Я сижу, не зная что сказать, а перед моим взором возникает увиденный на фотографии образ очень красивой, улыбающейся Марты. В душе моей пробуждается некое странное чувство, будто я давно знаю Марту и она – символ Любви, символ этого прекрасного чувства.

– Дед, это Любовь! Это бессмертная песнь любви, – говорю я...

– Кто знает сынок, кто знает!

Я отвожу взгляд от глаз деда, в которых застыли слёзы. Сидящий передо мной дед, ухарь-палван будто превратился в маленького и беспомощного человека.

– Взгляни на это сынок. – Дед показал блестящую железку размером с ноготь большого пальца. – Это осколок, который извлекли из середины между моими лопатками. Марта принесла его после операции. Оставь его себе. Не потеряй, ведь ты сейчас сказал, есть любовь, и она вечна. Думаю, может быть, поэтому я прожил так долго. Возьми! Пусть будет у тебя, не потеряй. Может быть, придёт время, и ты напишешь книгу...

Дед улыбнулся. Улыбка на его его лице была грустная.

Я возвратился от него с таким чувством, будто меня ударили булавой, тело моё обдавало жаром.

– Ну, что сын, как дед?...

– У него все нормально.

Целый день я думал про него, про Марту. Эти думы не поддаются

описанию. Я не мог ни читать, ни заняться чем-либо. Так наступил вечер.

Ближе к рассвету мне приснился сон. На бескрайнем предгорье, покрытом зелёной порослью, ко мне протягивает руки и призывает Марта в лёгком белом одеянии. Вдруг между нами появляется дед Амир. Он в белом яктаке. Дед отталкивает меня, затем резко разворачивается и легко, как будто невесомо как бы улетает к предгорьям – навстречу Марте.

Открываю глаза. Перед дверь террасы стоит сосед Рахмон-ака. Его грустные, тоскливые слова потрясли всю мою сущность:

– Сосед, вот судьба человека, слышали... Дед Чингачгук покинул этот мир. Ещё днем...

– Когда похороны?

– Дед был хорошим человеком Только вчера мой сын был у него. Сказал, что он в здравии...

Я уткнулся в подушку и заплакал в голос...

Прошло шесть месяцев. Я получил письмо военного комиссариата города Минска. В письме было написано: «..Младший лейтенант Марта Павловна Поддольская. Родилась 6 марта 1925 года в городе Минск. Погибла 17 июня 1944 года...».

Каждый раз, приезжая в кишлак, хожу к могиле деда Амира. На надгробии читаю: «Амир ота Мурод углы. Родился 6 марта 1925 года – умер 17 июня 2015 года». Стою у могилы, и чувствую, будто маленькая железка размером с ноготь жжёт мою ладонь.

Кучкар НАРКАБИЛ (Узбекистан).

Перевод Гузаль Махмудовой. Некаʻалар